
Черноморские проливы во внешней политике России в конце XVIII — начале XX в.: трансформация подходов к решению проблемы

Ирина Рыбачёнок

The Black Sea Straits in Russia's foreign policy
in the late 18th — early 20th centuries:
transformation of approaches to solving the problem

Irina Rybachenok

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24010083, EDN: CJFEOY

На протяжении веков в ходе многочисленных кризисов на Балканах и на Ближнем Востоке споры держав о режиме судоходства в Черноморских проливах заметно влияли на международные отношения¹. По образному выражению маркиза А. де Коленкура, обострение борьбы за «ключи от Чёрного и от Мраморного моря» неоднократно грозило масштабным военным конфликтом. Не случайно Черноморские проливы долго оставались в центре жгучих дипломатических, а затем и научных дискуссий, которые не иссякают и поныне. При этом возникавшие в разное время коллизии до сих пор освещены неравномерно. В их изучении имеется ещё немало «белых пятен», противоречивых трактовок и оценок, связанных как с несхожими позициями историков, так и с неисчерпанными возможностями источников. Поэтому тема не теряет своей актуальности, и дальнейшее её познание требует новых усилий. В частности, необходимо показать, как именно с конца XVIII до начала XX в. менялись подходы тех, кто формировал внешнюю политику России, к определению судьбы Проливов.

Выход России к северным берегам Чёрного моря в конце XVIII в. создал новую геополитическую ситуацию в регионе. Статус Босфора и Дарданелл приобрёл огромное стратегическое, политическое и экономическое значение. Оставаясь для двух прибрежных империй — России и Турции — вопросом государственной безопасности, режим судоходства в Проливах получил и международный характер, а сами они стали объектом соперничества.

© 2024 г. И.С. Рыбачёнок

¹ Историография проблемы огромна, назову лишь наиболее значимые исследования: Уляницкий В. Дарданеллы, Босфор и Чёрное море в XVIII веке. Очерки дипломатической истории Восточного вопроса. М., 1883; Жигарев С. Русская политика в Восточном вопросе (её история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. М., 1896; Горяинов С. Босфор и Дарданеллы. Исследование вопроса о проливах по дипломатической переписке, хранящейся в Гос[ударственном] и С[анкт]-Петербургском главных архивах. СПб., 1907; Гагарин С. Константинопольские проливы // Русская мысль. 1915. № 4; Миллер А.Ф. Турция и проблемы проливов. М., 1947; Дранов Б.А. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948; Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. / Отв. ред. Н.С. Киняпина. М., 1978; Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М., 1994; Лаврова Т.В. Черноморские проливы (исторический очерк). Ростов н/Д, 1997; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатьев. М., 1999; Лунёва Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М., 2010.

Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. открыл Чёрное море для торговых судов России, разрешив им проходить через Проливы, что было подтверждено в 1783 г. А после Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Ясский мир закрепил право России иметь флот на Чёрном море и свободно проводить свои корабли через Босфор и Дарданеллы, что поразило Европу. Западные державы увидели в этом потенциальную возможность усиления России в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Подобные опасения нашли отражение в публицистике и даже в карикатурах. Так, поражение Турции стало поводом для появления английского офорта «Имперский шаг», выставленного в апреле 1791 г. в витрине гравюрной лавки в Лондоне и изображавшего Екатерину II, которая одной ногой отталкивалась от скалы с надписью «Russia», а второй касалась полумесяца на минарете в Константинополе; за этим стремительным движением на рисунке с тревогой наблюдали правители других государств.

В общественном мнении Европы уже в XVIII в. был создан жупел «русской угрозы». Укрепление положения Российской империи на международной арене, её намерение проводить независимую внешнюю политику, опираясь на мощные военно-морские силы, финансовые ресурсы и успехи дипломатии, вынуждало западноевропейские страны считаться с этим новым для них фактором. Вместе с тем они всячески противились осуществлению интересов появившегося соперника.

В Петербурге добивались благоприятного режима Проливов, желая обеспечить развитие торговли и безопасность государственных границ. Вместе с тем в XIX — начале XX в. в правящих верхах существенно трансформировались представления как о масштабе задачи (от воспреещения прохода в Чёрное море иностранных военных эскадр до установления российского контроля над Босфором и Дарданеллами), так и о соотношении политико-дипломатических и силовых методов, которые предполагалось использовать для её решения. Впрочем, тут практически никогда не было единства мнений между сторонниками «европейского концерта» и «независимых» действий. Противоположные тенденции отчётливо проявились ещё на рубеже XVIII–XIX вв. в записках видных дипломатов. Так, если по мнению гр. Ф.В. Ростопчина, русские интересы обеспечил бы только раздел османских владений между Россией, Францией и Австрией (с предоставлением Пруссии соответствующей компенсации), то гр. В.П. Кочубей полагал, что турки — соседи спокойные, и «сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно быть коренным правилом нашей политики»².

4 сентября 1829 г. (ещё не зная о заключении Адрианопольского мира) бывший статс-секретарь гр. И.А. Каподистрия, считая неизбежным крах Османской империи, рекомендовал Секретному комитету по восточным делам превратить Константинополь с небольшой прилегающей территорией в вольный город, демилитаризовав зону Проливов. Управлявший МИД гр. К.В. Несельроде, напротив, тогда же утверждал, что сохранение Турции «более полезно, нежели вредно действительным интересам России». Схожих взглядов придерживался и товарищ министра юстиции Д.В. Дашков, в 1817–1821 гг. служивший в константинопольской миссии, а в 1822–1824 гг. (после разрыва отношений между царём и султаном) управлявший ею из Петербурга. Ещё в 1823 г. он предсказывал, что распад Турции неминуемо приведёт к общеевро-

² Цит. по: *Дранов Б.А.* Указ. соч. С. 61–62.

пейской войне, а вытеснение турок в Малую Азию нанесёт ущерб безопасности владений России на Кавказе³.

Превращение турецкой столицы в «вольный город» казалось Дашкову невыгодным и ненадёжным. По его словам, «в случае падения Оттоманской империи, если Россия не будет обладать Константинополем, то ей нужен верный залог, который обеспечивал бы невредимость южных её областей, и никто не мог бы справедливо укорять её в каких-либо тайных замыслах, если бы она тогда потребовала себе два каменистых уголка на обоих берегах Босфора у северного его устья для построения крепостей, способных защитить сей проход в случае неприятельского нападения»⁴. Комитет согласился с этим, постановив, что в случае прекращения турецкого владычества в Европе русское правительство обязано предотвратить захват входа в Чёрное море какой-либо великой державой⁵. В 1866 г. с протоколом заседания комитета ознакомился кн. А.М. Горчаков, а в июне 1902 г. записку Дашкова читал министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф⁶, что свидетельствовало о постоянном внимании к идеям, изложенным в этих документах.

Таким образом, к концу 1830-х гг. в Петербурге сочли, что переход контроля над Проливами в руки какой-либо державы, прежде всего Англии, недопустим. Лучше до поры, до времени сохранять слабеющую Турцию в роли «сторожа» Проливов, но желательно добиться свободного прохода через них русских военных кораблей. Осуществить замысел представлялось возможным дипломатическим или военным путём. Предпочтение отдавали первому, но в случае развала Османской империи в ходе международных осложнений готовились и ко второму.

Ункяр-Искелесийский союзный договор с Турцией 1833 г. создал наиболее благоприятный для России режим судоходства в Проливах⁷. По его условиям Дарданеллы закрывались для военных кораблей третьих стран, тогда как русские могли проходить их без ограничений. Но из-за фатальной ошибки Николая I, опасавшегося роста влияния западных держав на политику турецких властей и желавшего вбить клин между Францией и Англией, Россия отказалась от столь выгодных для неё условий. Лондонские конвенции, подписанные 3(15) июля 1840 г. и 1(13) июля 1841 г., изменили международно-правовой статус Проливов: теперь в мирное время они закрывались для всех иностранных военных кораблей. Тем самым то, что ранее регулировалось в рамках двусторонних русско-турецких отношений, превращалось в общеевропейскую проблему, а в международное право вводилось понятие коллективной гарантии держав по поддержанию существования Османской империи⁸. В итоге фактически выиграл Лондон⁹. По точной оценке С.М. Горяинова, договор оказался

³ Текст записки частично опубликован: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. IV. Ч. I. СПб., 1878. С. 438–440.

⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 1098, л. 109 об.

⁵ См.: *Дранов Б.А.* Указ. соч. С. 85–86. Текст протокола заседания см.: АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 1098, л. 5–11 об.

⁶ АВПРИ, ф. 133, оп. 470, д. 1098, л. 84–84 об.

⁷ См.: *Киняпина Н.С.* Ункяр-Искелесийский договор 1833 г. // Научные доклады высшей школы. М., 1958. № 2.

⁸ *Дранов Б.А.* Указ. соч. С. 98–107.

⁹ Как современники, так и историки высказывали об этих договорённостях диаметрально противоположные мнения: *Михайлов Б.В.* Восточный кризис 1839–1841 годов и русско-английское сближение. В преддверии революций 1848–1849 годов // История внешней политики России. Пер-

«применим только во время мира; при возникновении осложнений он никуда не годится»¹⁰. Несостоятельность Лондонских конвенций стала очевидной, когда в середине июля 1853 г. соединённая англо-французская эскадра бросила якоря у входа в Дарданеллы, а в середине сентября, ещё до объявления Турцией войны России 22 сентября (4 октября), вошла в Босфор.

Парижский трактат 1856 г., подписанный после поражения России в Крымской войне, подтвердил международно-правовой режим Проливов. Он носил дискриминационный характер по отношению к России, запрещая ей держать флот на Чёрном море и строить крепости на его побережье. Воспользовавшись разгромом Франции германскими войсками, Россия в одностороннем порядке отказалась соблюдать эти унижительные условия, о чём было объявлено в циркуляре, подписанном канцлером кн. А.М. Горчаковым 19(31) октября 1870 г. Однако, избегая осложнения отношений с Англией, Александр II согласился на предложение кн. О. Бисмарка юридически оформить пересмотр норм 1856 г. на международной конференции, открывшейся в Лондоне в январе 1871 г. Западные держав настаивали на нейтрализации Проливов, но согласно конвенции, подписанной 1(13) марта того же года, они оставались закрытыми для военных кораблей всех держав. Об ограничении суверенных прав России на Чёрном море и его берегах уже не упоминалось, а султан имел право в мирное время открывать Босфор и Дарданеллы для «дружественных» и «союзных держав», если бы это требовалось «для обеспечения исполнения постановлений» 1856 г.¹¹

Нездолго до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. молодой чиновник МИД Н.В. Чарыков привлёк внимание руководства ведомства к своим соображениям, предусматривавшим заключение соглашения с Англией о ликвидации турецкого владычества в Европе, после чего англичане оккупировали бы два пункта на южной оконечности Дарданелл, а русские — два пункта на Верхнем Босфоре. Некоторые идеи Чарыкова позднее излагались в составленной в МИД записке, где анализировались гипотетические варианты мирного договора¹².

В Секретном архиве МИД сохранилась также анонимная недатированная рукопись, подготовленная, судя по содержанию и стилю, генерал-лейтенантом Н.Н. Обручевым для совещаний, проводившихся Александром II в мае 1877 г. В ней последовательно рассматривались три пути изменения действовавших тогда договорённостей: предоставление устья Босфора России при свободном для всех проходе через Дарданеллы; размещение на севере Босфора русско-го, а в Дарданеллах — английского (или другого иностранного) гарнизонов;

вая половина XIX века / Отв. ред. О.В. Орлик. М., 1995. С. 325–346; Кудрявцева Е.П., Пономарёв В.Н. Закрытие Проливов для военных судов: от Лондонских конвенций до Берлинского трактата (1840–1878 гг.) // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). С. 121–221; Кудрявцева Е.П. Лондонские конференции 1840 и 1841 годов // Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начала XX века / Отв. ред. А.В. Виноградов. М., 2021. С. 263–299.

¹⁰ Горяинов С. Босфор и Дарданеллы... С. 79.

¹¹ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / Сост. И.В. Козьменко. М., 1952. С. 107–110.

¹² Подробнее см.: Рыбачёнок И.С. Проекты решения проблемы Черноморских проливов в последней четверти XIX века // Вопросы истории. 2000. № 4–5; Рыбачёнок И.С. Коренные интересы России в представлениях её государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX века // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2007. С. 266–307.

оставление обоих проливов открытыми и лишёнными каких-либо укреплений. Первый из этих вариантов Обручев признавал наиболее выгодным, поскольку «он делает нас неуязвимыми в обороне и сохраняет в то же время за нами свободу наступления»: «Владея устьем Босфора (а для этого достаточно иметь хоть небольшой его угол на европейском берегу), мы будем спокойны за весь юг России и не будем вынуждены тратить на развитие громадного военного флота, ибо несколько больших пушек на твёрдой земле, усиливаемые в случае войны торпедными заграждениями, могут противостоять каким угодно флотам... Подобное решение вопроса действительно явится величайшим благодеянием для России, отстранит многие войны и на веки упрочит её судьбы». Выдвигалась даже идея обороны Босфора смешанным русско-турецким контингентом, что возвращало бы империи к сотрудничеству, намечавшемуся в 1833 г., но «но в более серьёзной и ненарушимой форме». По мнению генерала, полная открытость Проливов была «не только не желательной, но положительно вредной» для безопасности южных границ. «Пусть лучше проливы остаются за турками, — заключал автор, — до них мы можем ещё добраться, тогда как против Европы будем совершенно бессильны»¹³.

В октябре 1877 г. А.Е. Смельский, служивший чиновником для особых поручений при канцлере, представил по его поручению «Исторический очерк права прохода военных судов через Босфор и Дарданеллы», охватывавший целое столетие с 1774 по 1871 г. Указав на неизменное стремление русской дипломатии «поддерживать принцип замкнутости Чёрного моря» и соблюдать международные договоры, дабы не давать повода к их нарушению другими, Смельский рекомендовал при заключении мирного договора добиваться свободного плавания через проливы для военных кораблей (число их могло оговариваться особо) прибрежных государств — России и Турции. При угрозе со стороны неприятельской эскадры Босфор следовало перекрыть минами¹⁴.

Предварительные условия мира, подписанные в Адрианополе русскими и турецкими уполномоченными 19 января 1878 г., предусматривали, что «его величество султан войдёт в соглашение с его величеством императором всероссийским для сохранения прав и интересов России в проливах Босфорском и Дарданельском»¹⁵. Но решительные возражения англичан заставили Россию отступить, и в результате ст. 63 Берлинского трактата подтвердила положения Лондонской конвенции 1871 г., закрыв Проливы для военных судов всех держав, кроме Турции¹⁶. Это до известной степени устранило угрозу вторжения британского флота в Чёрное море, но одновременно «запирало» там русскую эскадру, не позволяя использовать её на других морских театрах. Между тем уже в феврале 1878 г. Англия, объявив себя «дружественной» Порте державой, нарушила условия договора 1871 г. и без разрешения султана ввела свои корабли в Мраморное море, где они находились до сентября. В Петербурге хорошо понимали, что в случае нового кризиса британский флот может войти и в Чёрное море.

¹³ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, 1877 г., д. 36/37/39, л. 44–67. Подробнее об атрибуции и датировке текста см.: Рыбачёнок И.С. Проекты решения проблемы Черноморских проливов... С. 58. О взглядах Обручева см. также: Рыбачёнок И.С. «Первая наша забота — стоять твёрдо в Европе» // Армия и флот в геополитических интересах. М.: СПб., 2019. С. 95–142.

¹⁴ АВПРИ, ф. 133, оп. 70, 1877 г., д. 76, л. 136–163.

¹⁵ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах (1875–1878) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М., 1978. С. 360.

¹⁶ Сборник договоров... С. 208.

После Особого совещания, проведённого в Ливадии в сентябре 1879 г., Александр II поручил разработать план действий, которые позволили бы перекрыть иностранным военным кораблям доступ в Чёрное море. Морское ведомство приступило к созданию в Одессе «Особого артиллерийского запаса»¹⁷. 21 августа (2 сентября) 1881 г. новое Особое совещание признало необходимым исподволь, но неуклонно и последовательно готовиться к проведению десантной операции, нацеленной на то, чтобы овладеть устьем Босфора и укрепиться на обоих его берегах, оградив их от всякого посягательства¹⁸.

С осени 1881 г. возобновилось изучение гидрографических, метеорологических и топографических условий, которые требовалось учитывать при осуществлении данного замысла. В мае—июле 1883 г. прошли первые совместные манёвры армии и флота, предусматривавшие отработку некоторых элементов операции. Но специальный учебный десант в 1885 г. и результаты учений 1886—1887 гг. показали, что войска нуждаются в дальнейшей практике, а их высадка окажется крайне рискованной, если не удастся обеспечить её внезапности. Многие просчёты в подготовке этой акции, а также отсутствие должной координации мероприятий военного и морского ведомств, как пишет Р.В. Кондратенко, заставляли «сомневаться в возможности успешного захвата Верхнего Босфора российскими вооружёнными силами как в 1880-е, так и в начале 1890-х годов»¹⁹.

В ходе Ближневосточного кризиса 1894—1898 гг. и разрастания национальных движений вновь замаячила угроза краха Османской империи. После беспорядков в Константинополе осенью 1896 г. британская эскадра крейсировала у входа в Дарданеллы, а Лондон и Париж предложили провести коллективную морскую демонстрацию, чтобы заставить султана осуществить обещанные им ранее реформы. В этих условиях в памятной записке, сообщённой всем российским послам 21 октября (2 ноября) 1896 г., МИД признавал, что следует сосредоточить не более чем по два судна от каждой державы поблизости от Проливов, однако подчёркивалось, что «вход столь значительного количества иностранных военных кораблей в Дарданеллы представит очевидное посягательство на гарантии, которые нам даёт закрытие проливов, обусловленное существующими трактатами. Вследствие этого Россия может счесть себя обязанной заменить эти необходимые гарантии материальным залогом, обеспечивающим её безопасность на Чёрном море»²⁰.

23 ноября (5 декабря) Особое совещание в присутствии Николая II обсудило предложение посла в Константинополе А.И. Нелидова в случае возникновения в Турции критической ситуации действовать изолированно и, если суда других государств войдут в Дарданеллы, высадить десант и занять Верхний Босфор. В итоге Нелидову было предоставлено право «в крайнем случае», т.е. при неожиданном появлении перед Константинополем иностранных военных кораблей, «непосредственно предупредить секретною телеграммой главного командира Черноморского флота о необходимости немедленной высылки эскадры с десантом в Босфор, уведомив о том же одновременно императорское

¹⁷ Цывинский Г.Ф. 50 лет в Императорском флоте. Рига, [б.г.]. С. 143—145.

¹⁸ Петров М.А. Подготовка России к мировой войне на море. М., 1926. С. 27; Флот в Первой мировой войне. Т. 1. М., 1964. С. 20.

¹⁹ Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб., 2006. С. 85, 119—128, 261—269, 273—274.

²⁰ ГА РФ, ф. 568, оп. 1, д. 159, л. 80.

правительство». Это вполне взвешенное решение носило, по сути, оборонительный характер, хотя и предусматривало применение силы²¹.

Но, несмотря на интенсивную подготовку операции, продолжавшуюся до весны 1897 г., в Петербурге осознавали, что её осуществление, крайне рискованное из-за недостатка военно-технических ресурсов, даже при удачном стечении обстоятельств грозит серьёзными международными осложнениями. При этом союзная Франция отказала России в какой-либо поддержке.

Тем временем дипломатическая развязка кризиса позволила отложить реализацию намеченных планов, которые к тому же приходилось корректировать с учётом существенного укрепления в Турции позиций Германии. Непременный член Совета МИД Ф.Ф. Мартенс в записке, составленной в январе 1897 г., утверждал, развивая прежние идеи Дашкова и Обручева, что в сложившихся условиях Россия должна обеспечить свою безопасность, которую гарантировали бы два укрепленных пункта у входа в Босфор. Но резолюция Николая II на этом документе впервые зафиксировала новую постановку задачи: «Пока только можно наметить цели нашей политики в вопросе о проливах и захват Дарданеллов, само собой разумеется, самое желательное. Но когда и как можно достигнуть этой цели — этого теперь сказать нельзя. Это вполне зависит от обстоятельств»²².

В последующие годы многочисленные проекты и предложения ответственных лиц морского и сухопутного ведомств ясно свидетельствовали: задача овладеть Проливами оставалась актуальной, а конкретные варианты её решения, отличавшиеся в деталях, в основе имели общие черты. Характерно, что на совещаниях в феврале 1899 г. обсуждались принципы устройства минного заграждения при входе в Босфор со стороны Чёрного моря, а манёвры флота в Севастополе в августе 1899 г. имитировали высадку русского десантного корпуса²³.

Результаты учений и сведения, поступавшие от военно-морских агентов в Турции, в марте 1901 г. обобщил в специальной записке начальник штаба Одесского военного округа генерал-лейтенант А.П. Протопопов. По его мнению, Восточный вопрос касался уже не только судеб Турецкой империи, но «захватил весь Азиатский материк от берегов Чёрного и Средиземного морей до берегов Тихого океана»²⁴. Тесное переплетение интересов держав по всему свету грозило перерастанием любого регионального конфликта в мировой. Стремление закрепиться на Тихом океане «увлекло» Россию, и она как бы «позабыла» о Ближнем Востоке, где новая соперница — Германия «совершила уже экономический захват почти всей Малой Азии», и вскоре создаст «серьёзную конкуренцию нашему хлебному экспорту». Протопопов полагал, что в случае внезапных беспорядков в Турции державы могут «приступить к разрешению давно назревших мировых вопросов», и тогда «Россия должна готовиться защищать свои интересы с оружием в руках, дабы не быть обделённой при этом грандиозном и возможном в самом недалёком будущем событии».

²¹ Текст записки Нелидова и заключение совещания см.: *Хвостов В.М.* Проект захвата Босфора в 1896 г. // Красный архив. 1931. Т. 4–5(47–48). С. 50–70. Историки оценивали заключение Особого совещания по-разному: *Хвостов В.М.* Проблемы захвата Босфора в 90-х годах XIX века // Историк-марксист. 1930. № 20; Восточный вопрос во внешней политике... С. 268–273; *Рыбачёнок И.С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 114–134.

²² См.: Коренные интересы России в представлениях её государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация / Сост. И.С. Рыбачёнок. М., 2004. С. 86–96.

²³ РГА ВМФ, ф. 417, оп. 1, д. 2014, л. 4–4 об.; д. 2340, л. 2, 3–4, 6.

²⁴ Там же, д. 2340, л. 8–10.

Между тем он констатировал, что подготовка десантной операции «идёт несравненно медленнее, чем возникают и чередуются события, могущие повести к неожиданной развязке», и Россия ещё не способна выполнить намеченное²⁵. Командующий войсками Одесского военного округа генерал-адъютант гр. А.И. Мусин-Пушкин переслал записку Протопопова управляющему Морским министерством вице-адмиралу П.П. Тыртову, оставившему в тексте пометы, которые подтверждали, что для проведения экспедиции многого не хватало²⁶. В апреле 1901 г. на основе материалов архива Главного морского штаба (ГМШ) была составлена справка о подготовке десанта в 1897 г.²⁷

Для военно-морской стратегической игры «Занятие русскими силами Верхнего Босфора», устроенной в ГМШ осенью 1902 г., капитан 1-го ранга А.П. Угрюмов представил план действий, которые позволили бы «занять Верхний Босфор во что бы то ни стало и утвердить его за собою на вечные времена», используя «наличные силы и резервы государства». Подробно рассмотрев способы овладения проливом и его последующей обороны, автор рассчитал необходимые для этого людские и материальные ресурсы, пытался указать наиболее удобное по погодным условиям время и т.п. Воспользоваться этими соображениями предполагалось «при первой возможности, но с соблюдением совершенной неожиданности для неприятеля»²⁸. Эта неопределённость отражала не только сугубо теоретическую постановку вопроса в ходе игры, но и отсутствие в ГМШ и на более высоком уровне ясного представления о масштабах операции и о тех международно-политических условиях, при которых она могла бы состояться. Обсудив отчёт об этой игре, показавшей «слабую подготовку к выполнению известной экспедиции», требовавшей значительных финансовых затрат и многих лет работы, военный министр генерал А.Н. Куропаткин и Тыртов в совместном всеподданнейшем докладе ходатайствовали о создании специальной комиссии для выработки программы дальнейших мероприятий²⁹. В конце января 1903 г. Николай II одобрил их предложение, а в марте 1903 г. комиссия под председательством Протопопова провела шесть заседаний, уточнив в итоговой ведомости сумму предстоящих затрат на несколько лет.

Но ещё до того, как она собралась, свои мнения высказали гр. Мусин-Пушкин и вице-адмирал Н.И. Скрыдлов, незадолго до того назначенный главным командиром Черноморского флота и портов. В «Записке по вопросу занятия Босфорского и Дарданелльского проливов», поданной в январе 1903 г., граф констатировал ослабление морского могущества России и её переход «от наступательной тенденции, от желания иметь свободный доступ в бассейн Средиземного моря, — к обороне, к стремлению создать наиболее надёжные условия, гарантирующие нашу безопасность на Чёрном море и от ударов со стороны Проливов». Как в своё время Обручев, он полагал, что занятие Босфора и Дарданелл — задачи совершенно разные и решать их нужно не одновременно, а поэтапно³⁰. В июне, ознакомившись с выводами комиссии Протопопова, гр. Мусин-Пушкин предсказывал, что захват Россией Верхнего Босфора «будет только началом длинной и упорной борьбы за прочное обладание этим

²⁵ Там же, л. 10.

²⁶ Там же, л. 34–36.

²⁷ Там же, л. 38–40.

²⁸ Там же, д. 2684, л. 171–178.

²⁹ Там же, д. 2514, л. 6а–6а об., 8.

³⁰ Там же, д. 2868, л. 2–6.

пунктом», поскольку, даже если удастся парализовать противодействие западных держав, турки увидят в этом «начало борьбы за изгнание их из Европы и низведение на степень слабого азиатского государства. Они будут драться с отчаянной решимостью и сосредоточат на данном театре все силы для упорной и долгой борьбы»³¹.

Скрыдлов по результатам стратегической игры проанализировал в феврале 1903 г. состояние Черноморского флота, не улучшившееся с 1901 г., убедился в невозможности обеспечить внезапность отправки десанта и решительно утверждал: «Экспедиция в том виде, как она задумана и существует, совершенно немыслима, а также немыслима и в близком будущем, если мы в числе противников будем иметь англичан». Изменить ситуацию могло лишь значительное увеличение флота, однако финансовые затраты в таком объёме были непосильны для империи³². Но адмирал вовсе не призывал отказаться от опасного замысла, а напротив, ратовал за продуманную им систему мер, способных, как ему казалось, привести к успеху. Так, следовало срочно перевооружить имеющиеся броненосцы и значительно увеличить их число, причём строить новые корабли непосредственно на черноморском побережье, дабы не зависеть от разрешения Турции на их проход через Проливы. Кроме того, ежегодные пробные мобилизации и плавания эскадры обеспечили бы необходимую практику и проверку боеготовности, а также усыпили бы бдительность противника.

Осенью 1903 г. вновь прошли учебные десантные манёвры, выявившие слабые места, в том числе недостаточность ассигнований, отсутствие общего руководства всеми силами экспедиции и предназначенными для неё ресурсами, необученность личного состава. Все эти проблемы в ноябре нашли отражение в совместном всеподданнейшем докладе Куропаткина и адмирала Ф.К. Авелана, с марта 1903 г. управлявшего Морским министерством. Вместе с тем экспедиция на Босфор рассматривалась как начальный акт, который изменит отношения с державами: «Приступая к завершению Восточного вопроса утверждением на берегах Босфора, Россия должна будет готовиться в то же время к возможности борьбы на западе»³³.

Однако начавшаяся в феврале 1904 г. русско-японская война заставила приостановить наращивание сил на Чёрном море. Находившаяся там русская эскадра не могла быть переброшена на Дальний Восток, так как для военных кораблей Проливы оставались закрытыми. Убедившись в негативных последствиях применения данного принципа, в Петербурге задумались о целесообразности его сохранения.

В конце июля стало известно о том, что Лондон, руководствуясь секретной статьёй в англо-японском договоре, намерен блокировать Дарданеллы, если Порты разрешит проход русского флота³⁴. Послу в Константинополе И.А. Зиновьеву предписали проверить достоверность этой информации и узнать, нельзя ли провести броненосцы с согласия султана или с помощью подкупа и тайных договорённостей с местными властями. А послу в Лондоне гр. А.К. Бенкендорфу было поручено осторожно зондировать возможность договориться о проходе русских судов в обмен на «те или иные преимущества на другой почве»³⁵.

³¹ Там же, д. 2683, л. 26–44 об.

³² Там же, л. 14–22 об.

³³ Там же, л. 26–44 об.

³⁴ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 454/472, л. 10–11.

³⁵ Там же, ф. 151, оп. 482, д. 2989, л. 29–30.

При этом речь шла лишь о конкретной сделке, а не о всеобъемлющем соглашении с Англией о размежевании интересов, которое в инструкции, составленной для гр. Бенкендорфа в 1902 г., допускалось только «при обоюдной доброй воле и когда вопрос не касается существа исторически сложившихся задач»³⁶.

В конце октября Зиновьев сообщил, что «турецкое правительство во всех вопросах, где интересы наши окажутся в открытом антагонизме с интересами Англии, принуждено будет считаться со взглядами лондонского кабинета». Гр. Бенкендорф к середине ноября установил, что «идея воспользоваться проходом наших военных кораблей, не отказываясь от принципа закрытия Проливов, полностью нереализуема»³⁷.

В русской печати завязалась полемика, противоречивые мнения высказывались и в правящих кругах³⁸. Размышляя о политических последствиях попытки Петербурга вступить в сепаратный стовор с султаном, Мартенс 24 ноября (7 декабря) 1904 г. твёрдо отстаивал обязательность закрытия обоих проливов как норму действующего международного права, отмену которой называл шагом «не только опасным, но и безрассудным». Нелидов, в то время уже посол в Париже, в записке, датированной 26 ноября (9 декабря), доказывал, что нельзя вывести русский флот из Чёрного моря, опираясь только на разрешение Турции, без согласия всех держав, подписавших Берлинский трактат. Нарушение его Россией, по мнению дипломата, дало бы Англии право действовать в духе заявления, сделанного на Берлинском конгрессе Р. Солсбери, т.е. признать принцип закрытия Проливов обязательством, данным только султану. Изменить существующее положение Нелидов считал допустимым и желательным лишь тогда, когда ключ от Чёрного моря окажется в руках России, после чего можно было бы согласиться даже на открытие Дарданелл, плучив доступ в Средиземное море. Поэтому с пересмотром режима следовало подождать, строго исполняя трактаты и опираясь на заявление гр. П.А. Шувалова на Берлинском конгрессе о коллективной обязательности принципа закрытия Проливов для всех держав. Изменение же стеснительного для России порядка Нелидов откладывал до благополучного для Петербурга окончания войны с Японией, когда, стоя во всеоружии, можно будет добиться нового взаимного соглашения держав, опираясь на союз с Францией, дружбу с Германией, совместные действия с Австрией на Балканах и даже на сближение с Англией³⁹. К сожалению, реальных оснований для подобных надежд не наблюдалось.

Позиция руководства МИД была сформулирована в составленной в ноябре «Записке по поводу отправления на Дальний Восток судов русского Черноморского флота»⁴⁰, обобщавшей доводы и мнения Зиновьева, Мартенса и Нелидова. Все они категорически настаивали на соблюдении международных трактатов, хотя, как и министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф, признавали, что те «заржавели» и требуют пересмотра. «Записка» была разослана в основные посольства и некоторым государственным деятелям.

³⁶ Коренные интересы... С. 357.

³⁷ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 2989, л. 62–65.

³⁸ Гришина М.И. Черноморские проливы во внешней политике России в 1904–1907 гг. // Исторические записки. Т. 99. М., 1977. С. 140–182; Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012. С. 260–291.

³⁹ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 455/473/474, л. 7–13.

⁴⁰ Её отпечатали тиражом 300 экземпляров, один из них см.: Там же, ф. 340, оп. 574, д. 43, л. 2–8.

Откликаясь на неё, известный дипломат, член Государственного совета П.А. Сабуров 3(16) марта 1905 г. изложил собственные суждения в записке «По вопросу об изменении трактатных постановлений, касающихся Проливов»⁴¹. Он решительно высказался против мысли о преимуществах для России закрытия Проливов и предлагал вступить в прямые переговоры с Лондоном, предварительно определив, что выгоднее Петербургу: оставаться на позициях, заявленных в 1878 г. гр. Шуваловым, признать толкование, предложенное Солсбери, или вовсе открыть Проливы для военных кораблей всех держав? Мартенс, ознакомившись с мнением Сабурова, счёл его лишённым юридического обоснования, и напомнил, что принцип закрытия Проливов обязателен для России и Англии на равных основаниях⁴².

Иную позицию занял начальник военно-морской походной канцелярии контр-адмирал Свиты гр. А.Ф. Гейден. В пространной записке «Какой флот нужен России?», датированной 2(15) мая 1905 г. и направленной в МИД, он указывал на возрастающее политическое значение военного флота, ставшего потребностью всякого культурного государства и воплощением его мощи, и справедливо утверждал, что Россия не в состоянии иметь на Балтике, в Чёрном море и на Дальнем Востоке три достаточно сильных эскадры. Выход же виделся ему в том, чтобы открыть Босфор и Дарданеллы для свободного прохода военных судов всех государств в мирное и военное время, дабы иметь возможность сосредотачивать их там, где этого потребует обстановка в конкретный момент⁴³.

Идея гр. Гейдена вызвала в МИД возражения. По просьбе гр. Ламздорфа ученик Мартенса профессор международного права барон М.А. Таубе в мае–июне 1905 г. подготовил «Записку по вопросу о проходе военных судов через Босфор и Дарданеллы», в которой проанализировал нормы 1841, 1856, 1871 и 1878 гг. и пришёл к выводу, что Россия имеет основания добиваться международного признания её права выводить из Чёрного моря боевые корабли с согласия одного султана, не нарушая при этом выгодный ей принцип закрытия Проливов. В отличие от своего учителя, барон считал одинаково юридически корректными оба толкования конвенции 1841 г., высказанные на Берлинском конгрессе гр. Шуваловым и лордом Солсбери. Поэтому теоретически неясное и практически неудовлетворительное для России, по его мнению, положение подлежало пересмотру и должно было стать предметом переговоров. Однако при этом не следовало забывать, что интересы России «продолжают требовать закрытия Проливов ещё на долгие годы»⁴⁴.

Записку Таубе отпечатали небольшим тиражом в виде отдельной брошюры, причём сначала с указанием фамилии автора (в серой обложке), а затем без неё, но под грифом МИД и в оранжевой обложке, как все официальные публикации дипломатического ведомства⁴⁵. В августе гр. Ламздорф направил её военному и морскому министрам, возможно, рассчитывая выработать консолидированный подход к проблеме. Однако в ноябре Совет государственной обороны счёл «желательным оставить этот вопрос без движения до того вре-

⁴¹ Там же, ф. 138, оп. 467, д. 455/473/474, л. 27–29 об.

⁴² Там же, ф. 151, оп. 482, д. 2989, л. 130–131 об.

⁴³ Коренные интересы... С. 383–422.

⁴⁴ Там же. С. 423–436.

⁴⁵ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 455а/475, л. 40–61.

мени, когда общая политическая и стратегическая обстановка будет выяснена более определённо»⁴⁶.

Вскоре после окончания русско-японской войны Лондон начал зондировать то, как в Петербурге отнесутся к урегулированию спорных вопросов на Ближнем и Среднем Востоке. До марта 1906 г. политика МИД оставалась достаточно взвешенной. Гр. Ламздорф, инструктируя гр. Бенкендорфа и очерчивая рамки возможных соглашений, не видел «практических оснований, которые побуждали бы нас поставить вопрос о проливах на очередь, тем более, что военное и морское ведомства не находят желательным возбуждать его в настоящее время»⁴⁷. Он призывал к крайней осторожности на переговорах, охотно предоставляя инициативу англичанам. Но когда министром стал А.П. Извольский, сторонники компромисса с Англией активизировались. Зиновьев в специальной «Записке» предложил вернуться к обсуждению режима Проливов, надеясь «ценою некоторых уступок, хотя бы в вопросе о сношениях наших с Афганистаном... обеспечить себе содействие Англии в одном из тех вопросов, благоприятное разрешение которых особенно важно с точки зрения политических интересов России». Учитывая усиление соперничества великих держав и перспективу новой их группировки, а также рост национальных движений на Балканском полуострове, грозивший осложнениями в Турции, Зиновьев опасался, что «Россия останется со своей ничтожной флотилией Средиземного моря в невыгодном положении». Он одобрял пересмотр конвенций 1871 г., «если нам удастся заручиться искренним содействием Англии», но вместе с тем отвергал принцип нейтрализации Проливов и желал, чтобы Россия, воспользовавшись благовидным предложением, утвердилась на севере Босфора и добилась права отправлять свои корабли в Эгейское море⁴⁸. Новым в такой постановке вопроса была лишь зыбкая надежда на соглашение с Лондоном⁴⁹. За неё-то и ухватился Извольский.

Глава МИД представил записку Зиновьева Николаю II и участникам Особого совещания по персидским делам. Извольскому казалось ошибочным не воспользоваться желанием Лондона «положить конец вековой англо-русской розни», что позволило бы России, «когда наступит время, приложить силы к решению тех великих исторических задач, которые мы можем иметь на Ближнем Востоке и которые не сегодня завтра могут быть поставлены на очередь ходом событий». Проекты соглашения с Англией, обсуждавшиеся в Особом совещании 1(14) февраля 1907 г., напрямую Проливов не касались⁵⁰. Но о них шла речь в частных беседах гр. Бенкендорфа и министра иностранных дел Э. Грея в феврале—марте 1907 г. Итогом стали памятные записки, зафиксировавшие различное понимание сторонами не только рамок, но и сути предполагаемо-

⁴⁶ Цит. по: *Гришина М.Н.* Черноморские проливы... С. 152.

⁴⁷ Цит. по: *Зайончковский А.М.* Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М., 1926. С. 126.

⁴⁸ К истории англо-русского соглашения 1907 г. / Публ. С. Пашуканиса // Красный архив. Т. 2—3(69—70). 1935. С. 5—18.

⁴⁹ Схожие иллюзии питал тогда и военный атташе в Лондоне генерал-майор Н.С. Ермолов, полагавший, что Англия может согласиться на открытие Проливов для России, если та гарантирует безопасность Индии. Подробнее см.: *Остальцева А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года. Влияние Русско-японской войны и революции 1905—1907 годов на внешнюю политику царизма и на перегруппировку европейских держав. Саратов, 1977. С. 213—233.

⁵⁰ К истории англо-русского соглашения 1907 г. С. 19—25; *Остальцева А.Ф.* Англо-русское соглашение 1907 года... С. 213—233.

го договора, поскольку Лондон отстаивал возможность прохода флотов всех держав через Дарданеллы до входа в Чёрное море. Тем не менее Извольский счёл результат обмена мнениями удовлетворительным, почему-то решив, что Англия согласится с исключительным правом России проводить свои корабли через Проливы в обоих направлениях при закрытом для других держав Чёрном море. Устранить сохранявшиеся разногласия стороны сочли целесообразным в более благоприятное время⁵¹.

Как отмечают исследователи, в Лондоне использовали разговоры о Проливах лишь для того, чтобы ускорить заключение соглашения по персидским делам. По едкому замечанию английского историка, «это был целиком и полностью вопрос престижа. Россия не имела на Чёрном море флота, и закрытие Проливов её вполне устраивало. Но Извольский надеялся получить в конечном счёте теоретическое разрешение на проход через Проливы теоретических военных кораблей России»⁵².

Между тем новый морской министр адмирал И.А. Диков выдвинул план воссоздания и развития русского флота. Значительный опыт, приобретённый им в бытность помощником начальника Главного морского штаба, командующим Практической эскадрой Чёрного моря, председателем Морского технического комитета и членом Адмиралтейств-совета, позволял компетентно судить о ближайших задачах, стоявших перед империей. 25 октября 1907 г. в «весьма секретном» письме Извольскому адмирал утверждал, что экономический потенциал России способен дать ей преимущества в мировой конкуренции, если удастся обеспечить продвижение отечественных товаров из Чёрного моря к портам Африки, Малой Азии, Абиссинии, Аравии и в Индийский океан. А поскольку спутником торгового флота всегда являлся военный, «то необходимо заблаговременно принимать меры для развития морской силы», и прежде всего на магистральном торговом пути из Европы на Восток — Средиземном море, где надлежало создать систему угольных станций и баз. Между ними предстояло наладить и поддерживать постоянную связь, что, в свою очередь, «вызывает стратегическую необходимость для нашего флота иметь свободное плавание проливами». Семидесятилетний моряк ясно понимал и то, насколько Россия нуждалась в сохранении мира, и то, что это зависит не только от её воли. Констатируя антагонизм между Германией и Англией и указав на неизбежность их столкновения в 1914 г., Диков заявлял, что участие России в этом конфликте, чью бы сторону она ни заняла, станет для неё бедствием. Но для того, чтобы избежать втягивания в эту борьбу и выдержать в недалёком будущем испытания, связанные с кризисами на Балканах и в Австро-Венгрии, «Россия должна быть сильна, как на суше, так и на море». Соответственно ей требовался современный Черноморский флот, способный действовать в открытом океане. И как в XVIII в. был приобретён стратегический пункт в устье Невы, так в XX в. «движение к проливам аналогично предыдущему упрочивает наше положение на берегах системы южных морей и даёт выход в Средиземное море, откуда наша морская сила может быть сосредоточена по любому направлению»⁵³.

⁵¹ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 456/475, л. 2–11; *Гришина М.И.* Черноморские проливы... С. 170–172.

⁵² *Тейлор А.* Борьба за господство в Европе. 1918–1948. М., 1958. С. 449.

⁵³ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3140, л. 9–12.

В первую очередь империи предстояло получить станцию вблизи Дарданелл (наиболее подходящим пунктом считался остров Лемнос), приобрести право стоянки флота на рейде Буюк-лиман в Верхнем Босфоре, а на случай войны обеспечить себе стоянки в портах Каверна и Бургас. Рассуждения Дикова очевидно перекликались с идеями Обручева и Мартенса о необходимости закрепиться на Босфоре, но он заметно расширил круг желательных приобретений. Правда, при обсуждении его программы на заседании Особого совещания и Совета государственной обороны вновь оказалось, что ни флот, ни армия не готовы к проведению десанта⁵⁴. Неудивительно, что в начале 1908 г., незадолго до младотурецкой революции, Совет государственной обороны, трезво оценивавший силы Черноморской эскадры, рекомендовал избегать «таких агрессивных действий, которые могут вызвать политические осложнения»⁵⁵. Оставалось рассчитывать только на дипломатию.

Быстрота, с которой обострялась международная обстановка, требовала неотложного обсуждения «мер, которые могли бы быть приняты с русской стороны при наступлении в Турции известных политических конъюнктур»⁵⁶. Пытаясь согласовать действия в случае краха империи султана, А.П. Извольский созвал 21 июля (3 августа) 1908 г. в МИД экстренное совещание, в котором приняли участие И.М. Диков, помощник военного министра А.А. Поливанов, начальник Генерального штаба Ф.Ф. Палицын, временно исполнявший обязанности начальника Морского генерального штаба М.И. Каськов, постоянный член Совета государственной обороны Н.И. Иванов, государственный контролёр П.А. Харитонов, товарищ министра финансов М.В. Чистяков, А.И. Нелидов и И.А. Зиновьев. Во всеподданнейшем докладе Извольский сообщал, что на заседании сочли возможным при необходимости участие России в совместном с другими державами сосредоточении судов в Средиземном море. Кроме того, его участники признали желательным поручить военному и морскому ведомствам «безотлагательно разработать план десантных операций, имеющих целью занятие и удержание Верхнего Босфора, при предположении, что сопротивление... может исходить лишь со стороны Турции». При этом им рекомендовалось «принять в соображение выработанный в своё время план Босфорской экспедиции». Николай II, судя по оставленной им резолюции, был с этим «вполне согласен»⁵⁷.

Однако в справке, составленной в МИД по итогам совещания, картина рисовалась менее благостно. Прежде всего «выяснилось с достаточной очевидностью, что мы не готовы на какое-либо самостоятельное выступление... а для занятия Верхнего Босфора и иных действий можно подготовиться лишь в будущем». Если бы Турция оказала сопротивление, способность русских войск захватить нужные позиции и удержаться на них, по общему мнению, была более чем сомнительной. Поэтому совещание постановило продумать план мирного занятия Босфора «при условии соблюдения всех мер предосторожности, дабы турки не узнали преждевременно о наших намерениях»⁵⁸.

⁵⁴ Там же. См. также: Россия и Черноморские проливы... С. 260.

⁵⁵ Три совещания // Вестник НКВД. 1919. № 1. С. 23–25; Константинополь и Проливы по секретным документам [бывшего] Министерства иностранных дел / Под ред. Е.А. Адамова. Т. 1. М., 1925. С. 10.

⁵⁶ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3140, л. 54–55.

⁵⁷ Турецкая революция 1908–1909 гг. // Красный архив. 1930. Т. 6(43). С. 44–45.

⁵⁸ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3140, л. 56–57.

После младотурецкой революции 1908 г. Извольский вновь попытался добиться выгодного для России пересмотра режима Проливов. Он ошибочно рассчитывал на то, что его инициативы встретят поддержку в Лондоне и в Вене, где тогда собирались аннексировать Боснию и Герцеговину (турецкие провинции, оккупированные австрийцами по решению Берлинского конгресса). Извольский опрометчиво решил, что это станет поводом для созыва международной конференции, которая изменит нормы трактата 1878 г. и предоставит определённые компенсации Турции, России и балканским странам. Он выработал проект пересмотра режима Проливов, принципиально новым положением которого стало закрепление за причерноморскими государствами права проводить свои военные корабли через Босфор и Дарданеллы. Состоявшийся обмен памятными записками и личная встреча с министром иностранных дел Австро-Венгрии бароном А. Эренталем в Бухлау 2–3(15–16) сентября создали у Извольского иллюзию взаимопонимания⁵⁹. Но пока он объезжал европейские столицы, согласовывая программу конференции и её предполагаемые решения, Вена 25 сентября (8 октября) в одностороннем порядке объявила об аннексии, вызвав острый международный кризис. Протесты российского правительства после закулисных переговоров о сделке звучали неубедительно.

Но самым глубоким разочарованием для Извольского стал секретный меморандум, полученный 1(14) октября от Э. Грея. В нём недвусмысленно выражалась позиция британского кабинета: «Английское правительство согласно на открытие Проливов при условии, что Проливы будут открыты для всех одинаково и без исключения. Русское предложение (открыть их “для России и прибрежных государств”) идёт вразрез с общественным мнением Англии, которое было бы крайне разочаровано, если бы Россия, протестовавшая против действий Австрии, воспользовалась случаем обеспечить для себя преимущество в ущерб Турции или с нарушением статус-кво к невыгоде других»⁶⁰. Более того, британцы предупредили о замыслах России Порту и отправили, несмотря на её протесты, свою эскадру в турецкие воды.

Боснийский кризис 1908–1909 гг. имел ряд последствий⁶¹. В результате капитуляции перед германским ультиматумом о признании аннексии Боснии и Герцеговины престиж России на Балканах был подорван. С другой стороны, из-за ухудшения отношений с Берлином и Веной в Петербурге усилилась тенденция к сближению с Лондоном и Парижем. Наконец, Порта приняла меры для усиления флота. Заказанные ею в Англии новые современные корабли планировалось спустить на воду в 1913 г., что обеспечило бы Турции превосходство на Чёрном море. Россия не могла ни приостановить вооружение соседки, ни в краткие сроки модернизировать собственный флот, ни ввести в Чёрное море закупленные за границей суда.

Хотя кризис разрешился дипломатическим путём, обстановка накалилась. В этих условиях советник МИД А.А. Гирс весной 1911 г. составил записку, предложив отказаться от принципа закрытия Проливов⁶². Дипломат размышлял

⁵⁹ Там же, л. 60–61; Материалы по истории франко-русских отношений. Сборник документов. М., 1922. С. 529.

⁶⁰ Проливы. Сборник / Под ред. Ф. Ротштейна. М., 1923. С. 80–81.

⁶¹ Подробнее см.: *Виноградов К.Б.* Боснийский кризис 1908–1909 г. Пролог Первой мировой войны. М., 1964.

⁶² Царское правительство о проблеме Проливов в 1898–1911 гг. / Публ. В.М. Хвостова // Красный архив. 1933. Т. 6(61). С. 135; АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3026, л. 7–11.

о том, что выгоднее: охранять Турцию от крушения, видя, что за спиной султана стоит германский кайзер, или предоставить её собственной участи? Стоило ли в этих условиях отстаивать нормы трактатов, которые могут быть пересмотрены против воли России в неблагоприятное для неё время, и тогда придётся «пойти уже не на добровольные, заблаговременно предусмотренные, а на вынужденные уступки»? При этом выдвигая непопулярную идею нейтрализации (открытия) Проливов, Гирс рассчитывал на единство Франции, Англии и России, заинтересованных в противодействии Германии. Данная записка Гирса, доложенная Николаю II и отправленная на заключение военному министру В.А. Сухомлинову и морскому министру И.К. Григоровичу, обсуждалась затем в Совете министров. В Морском генеральном штабе замысел сочли рискованным, поскольку в случае его реализации неприятельская эскадра могла появиться в Чёрном море до объявления войны и раньше, чем Россия установила бы в Босфоре минное заграждение. Поэтому единственно правильное решение проблемы по-прежнему виделось в занятии и укреплении Босфора, как только флот будет на это способен. Военный министр, напротив, поддержал Гирса, ссылаясь на то, что Черноморскую эскадру нужно усилить новыми кораблями, закупленными за границей, а для этого придётся открыть Проливы⁶³.

Два разных подхода порождали споры до начала осенью 1911 г. Итало-турецкой войны⁶⁴. Тогда товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов и посол в Константинополе Н.В. Чарыков задумали договориться с Турцией о проходе русских военных кораблей через Проливы в обмен на некоторые финансовые уступки⁶⁵. Чарыков ошибочно считал, что наметившееся сближение Порты с державами Тройственного согласия облегчит переговоры⁶⁶. Нератов 20 октября (2 ноября) попытался получить от Лондона и Парижа письменное подтверждение их готовности открыть Проливы для России и зондировал позицию Берлина и Вены. Эренталь не скрывал, что «ключ положения в руках Англии»⁶⁷, а та противилась каким-либо сепаратным русско-турецким контактам.

Тем не менее 14(27) ноября Чарыков официально вручил турецкому министру иностранных дел проект декларации о политическом соглашении между Россией и Турцией, затрагивавшем и режим Проливов (перед этим он самовольно изменил редакцию одного из пунктов)⁶⁸. Однако из Лондона, позицией которого заинтересовались в Константинополе, сразу же последовало заявление о неуместности подобного шага в сложившейся обстановке. 2(15) декабря министр иностранных дел С.Д. Сазонов предписал прекратить переговоры, а неделю спустя турки официально отклонили предложение Петербурга, заявив, что «для защиты своей независимости Турция должна сама оставаться хозяином Проливов, не связывая себя договорами с другими странами»⁶⁹. Таким образом, поспешный и непрофессиональный демарш Чарыкова, просочившаяся информация о переговорах, а также противодействие Лондона и Парижа свели затею на нет.

⁶³ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878–1917 гг. (далее – МОЭИ). Сер. 2. Т. 18. Ч. 1. М., 1939. С. 250, 314–315.

⁶⁴ См.: Яхимович З.П. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. М., 1967.

⁶⁵ МОЭИ. Сер. 2. Т. 18. Ч. 2. М., 1938. С. 60–61.

⁶⁶ Там же. С. 219.

⁶⁷ Там же. Т. 19. Ч. 1. М., 1938. С. 36.

⁶⁸ Там же. С. 112–114.

⁶⁹ Цит. по: Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. М.; Л., 1934. С. 294.

После бомбардировки Италией Дарданелл и попытки её кораблей проваться в Мраморное море Турция в апреле 1912 г. закрыла Проливы, что нанесло русскому экспорту хлеба серьёзный ущерб. В ноте Сазонова 7(20) апреля указывалось на «несоответствие обеспеченного трактатами права свободной нейтральной торговли как в мирное, так и в военное время с... распоряжением о полном запрете прохода иностранных судов через Дарданеллы»⁷⁰. Спустя месяц Турция открыла Проливы и уже не закрывала их после нового нападения Италии в июле 1912 г. В октябре условия итало-турецкого мирного договора зафиксировали утрату султаном североафриканских владений. Очередной этап распада Османской империи делал её обладание Проливами всё более проблематичным.

Балканские войны 1912–1913 гг. выявили значительный рост территориальных претензий Болгарии, Сербии и Черногории. В сентябре 1912 г. союз этих государств, направленный против Турции, окончательно оформился. В России сочувствовали созданию такого блока, рассчитывая с его помощью обеспечить себе решающее влияние на положение дел в регионе. Вместе с тем неготовность к общеевропейскому столкновению побуждала МИД избегать обострения международной обстановки. Предпочтительным казалось коллективное воздействие держав на Турцию, которое убедило бы её провести реформы ради сохранения мира. Но уговоры оказались тщетны, и 18(31) октября вспыхнула Балканская война. Успехи болгарской армии обеспокоили Петербург. Сазонов осознавал, что «захват Константинополя Болгарией не соответствует нашим интересам»⁷¹. Григорович 26 октября (8 ноября) предложил срочно подготовить пятитысячный десант для занятия Буюк-Дере на европейском берегу Босфора. В Морском генеральном штабе исходили из того, что «оккупацию Верхнего Босфора можно было бы затянуть на очень долго, и тогда легче будет нам остаться навсегда. Твёрдое же занятие Верхнего Босфора уже наполовину разрешит наболевший вопрос о Проливах»⁷². Впрочем, от этого плана, одобренного Николаем II, вновь пришлось отказаться из-за неготовности Черноморского флота и решительных возражений Лондона и Парижа, активно поощрявших действия Софии, которые создавали повод для дискуссий о международной охране Константинополя и Проливов. Со своей стороны, Англия сосредоточила в Безикской бухте четыре броненосца, два крейсера и миноносца. России пришлось выступить в роли «защитника» Турции⁷³. 31 октября (13 ноября) Сазонов предложил Англии и Франции формулу посредничества, одним из условий которого являлось сохранение суверенитета султана над Константинополем и Проливами.

Предложение британского правительства обсудить возможность нейтрализации Проливов и превращения Константинополя в свободный порт под международным контролем не встретило поддержки в Петербурге. Сазонов утверждал, что «основные интересы России не могут быть защищены в Проливах никакими договорными гарантиями и статьями, так как последние всегда могут быть обойдены». Вместе с тем позиция великих держав исключала в тот момент и заключение русско-турецкой сделки⁷⁴.

⁷⁰ МОЭИ. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. М., 1939. С. 433.

⁷¹ АВПРИ, ф. 138, оп. 467, д. 459/478, л. 22.

⁷² Константинополь и проливы / Публ. Я. Захера // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 51–52.

⁷³ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 84.

⁷⁴ Константинополь и проливы / Публ. Я. Захера. С. 49, 51.

Захватив 13(26) марта 1913 г. Адрианонополь, болгары вплотную приблизились к Константинополю. 21 марта Сазонов писал посланнику А.В. Неклюдову, находившемуся при царе Фердинанде, что «стремление Болгарии иметь выход к Мраморному морю встретило бы с нашей стороны решительное противодействие. Мы не можем допустить, чтобы свобода плавания через проливы могла зависеть от усмотрения Болгарии... и подвергать первостепенные наши интересы какому-либо риску в зависимости от случайного направления того или другого кабинета, который встал бы у власти в Софии»⁷⁵. С одобрения Николая II и с ведома Григоровича министр предоставил послу в Константинополе М.Н. Гирсу право в случае необходимости вызвать эскадру Черноморского флота, а сам делал всё возможное, чтобы остановить болгарские войска⁷⁶. Крушение Турции российские дипломаты считали уже «преждевременным»⁷⁷. Теперь Петербург стремился восстановить *status quo*, чтобы оградить Проливы от захвата какой-либо державой. В 1912–1913 гг. МИД и Морской генеральный штаб разработали проект, предусматривавший занятие Босфора и Дарданелл в 1918–1919 гг.⁷⁸

Между тем противоречия между Болгарией, Сербией, Черногорией и Грецией привели ко Второй Балканской войне, в ходе которой болгары, выступив против бывших союзников, потерпели поражение, а турки вернули себе Адрианонополь. Бухарестский договор 10(23) августа лишил Османскую империю европейских территорий за исключением Адрианополя и Константинополя с прилегающим районом. Значительно ослабленная, озабоченная укреплением и реорганизацией армии, она обратилась за содействием к Германии. В ноябре 1913 г. в её столицу прибыла военная миссия немецкого генерала О. Лимана фон Сандерса, по сути, получившая контроль над зоной Проливов⁷⁹. Сазонов, опасавшийся захвата этих морских коммуникаций Германией, истолковал случившееся «как акт явно недружественный по отношению к нам»⁸⁰. Позднее он писал, что миссия Лимана фон Сандерса развеяла сомнения «относительно истинных целей германской политики на Ближнем Востоке» и «положила конец всяким неясностям и недоразумениям»⁸¹. Как верно отметил Б.М. Туполев, конфликт из-за прибытия на Босфор немецкого генерала «оказался едва ли не первым прямым русско-германским столкновением на Ближнем Востоке, причём в районе Черноморских проливов, являвшихся объектом наибольшей геополитической и экономической заинтересованности России»⁸². Но склонить Лондон и Париж к коллективному протесту Петербургу не удалось.

Вновь встал вопрос о форсировании подготовки десантной операции. 23 ноября (6 декабря) Сазонов доложил царю, что России необходимо отсрочить развал Османской империи и не допустить перехода Босфора и Дарданелл в руки сильного европейского государства⁸³. Принцип нейтрализации

⁷⁵ АВПРИ, ф. 151, оп. 482, д. 3048, л. 104.

⁷⁶ Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны 1910–1914. М., 1985. С. 190–192.

⁷⁷ Константинополь и проливы. По секретным документам... Т. 1. С. 56.

⁷⁸ Константинополь и проливы // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 66.

⁷⁹ См.: Аветян А.С. Русско-германские дипломатические отношения...

⁸⁰ Материалы по истории франко-русских отношений... С. 635.

⁸¹ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 145.

⁸² Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 47–48.

⁸³ Константинополь и проливы // Красный архив. 1924. Т. 6. С. 69–76.

Проливов им категорически отвергался. Морское ведомство присоединилось к взглядам министра иностранных дел, о чём И.К. Григорович его информировал⁸⁴. Но Сазонов надеялся, что трансформация Тройственного соглашения Англии, Франции и России в военный союз будет сдерживать притязания Германии. Совещание представителей трёх держав 6(19) февраля наметило подходы, устранявшие разногласия между ними⁸⁵.

Одновременно следовало укреплять военно-морские силы империи. Особое совещание 8(21) февраля 1914 г. постановило, что в случае войны Россия должна занять Проливы⁸⁶, хотя было ясно, что в одиночку ей с этим не справиться, и многое будет зависеть от общего хода боевых действий. Позднее Сазонов сетовал: «Между определением цели и её достижением у нас лежит целая бездна. Это величайшее несчастье России»⁸⁷.

Таким образом, в Первую мировую войну Россия вступила, не имея достаточных военных и материально-технических ресурсов для проведения десантной операции по овладению Проливами. В помощь союзников Сазонов мало верил. Поэтому он добивался от Лондона и Парижа формального письменного согласия на передачу Проливов России после заключения победоносного мира. На его памятную записку об этом английский и французский послы в Петербурге Дж. Бьюкенен и М. Палеолог в марте 1915 г. дали положительный ответ⁸⁸. И всё же в российских правящих кругах не было стопроцентной уверенности в том, что в решающий момент Лондон и Париж полностью и безоговорочно выполнят свои обязательства. В марте 1915 г. Николай II утвердил карту, на которой обозначались территориальные претензии России в зоне Проливов⁸⁹. Союзники оговаривали только сферу собственных интересов в азиатских владениях Турции⁹⁰. Эти договорённости укрепили антигерманскую коалицию.

В целом, в XIX — начале XX в. позиция Петербурга отчётливо сместилась от стремления получить укреплённые базы, которые позволили бы закрыть вход в Чёрное море, сохранив слабую Турцию, как «сторожа» у Проливов, до намерения захватить как Босфор, так и Дарданеллы. Вместе с тем применить силу — провести десантную операцию — мешала военно-техническая слабость. На разных этапах русские дипломаты рассматривали различные комбинации и варианты решения проблемы, упорно искали договороспособных партнёров. Но усиление военно-политического влияния России не устраивало другие державы, и она не имела надёжных союзников в борьбе за Проливы. Поэтому намерение Петербурга достичь установления там выгодного ему режима было сродни вычислению квадратуры круга.

⁸⁴ Константинополь и проливы / Публ. Я. Захера // Красный архив. 1924. Т. 7. С. 33–35.

⁸⁵ МОЭИ. Сер. 3. Т. 1. М.; Л., 1931. С. 18.

⁸⁶ Вестник НКВД. 1919. № 1. С. 33–42.

⁸⁷ Сазонов С.Д. Указ. соч. С. 151.

⁸⁸ Васюков В.С. «Главный приз». С.Д. Сазонов и соглашение о Константинополе и проливах // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 355–372.

⁸⁹ Карта опубликована в виде приложения к книге: Константинополь и проливы. По секретным документам... Т. 2.

⁹⁰ Цит. по: Россия и Черноморские проливы...С. 328–329.